

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВАХТЕЛЬ

Автор представляемых воспоминаний Юрий Александрович Вахтель родился 28 июля 1908 года в местечке Барановичи Новогрудского уезда Минской губернии. Его отец Александр Ильич Вахтель (1874–1921) был выходцем из одесской православной мещанской семьи немецкого происхождения. А. И. Вахтель окончил Ришельевскую гимназию и юридический факультет Императорского Новороссийского университета. Связав свою карьеру с судебным ведомством, отец Юрия последовательно служил в различных уездах Херсонской, Виленской и Минской губерний, округах Кубанской области и Области Войска Донского, достигнув к 1917 году чина статского советника и должности товарища (т.е. заместителя) прокурора Екатеринодарского окружного суда. Во время службы в Виленской губернии он познакомился с дочерью врача, статского советника Степана Юлиановича Сцепуржинского Анной, от последующего брака с которой родились их дети: Сергей, Юрий и Нина.

Детство Юрия прошло в обстановке трагических и грандиозных событий революции и Гражданской войны, коренным образом изменивших не только его судьбу, но и будущее миллионов его соотечественников. С первых дней Белого движения на юге России отец присоединился к антибольшевистским силам и ушёл на фронт. После поражения армии генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля семья Вахтелей в 1920 году эвакуировалась из Новороссийска в лагерь беженцев на острове Лемнос в Эгейском море, откуда они перебрались в образовавшееся после окончания Первой мировой войны Королевство сербов, хорватов и словенцев.

Вахтели обосновались в Белграде. Подорванное во время русского лихолетья здоровье рано свело в могилу отца семейства — Александра Ильича Вахтеля. Несмотря на эту потерю Юрий смог благодаря покровительству сербских властей окончить начатое ещё в России гимназическое образование, а затем поступить в югославское военное авиационное училище.

В течение последующего десятилетия Ю. А. Вахтель служил офицером Королевских ВВС Югославии и достиг капитанского чина. В 1941 году Югославия подверглась нападению и разгрому со стороны нацистской

Юрий Вахтель. Белград, 1935 г.

Ю. Вахтель с женой и сыном
в Югославии. 1945 г.

Германии. Капитан Вахтель, защищая свою новую родину, попал в немецкий плен. Здесь он получил предложение о сотрудничестве с оккупационными властями, но, сохраняя верность присяге королю Югославии Петру II, ответил решительным отказом. Как ни странно, немцы благополучно отпустили Юрия к семье. Другая судьба ждала его брата Сергея Вахтеля, который, несмотря на немецкое происхождение своих предков, как офицер Королевской армии, был расстрелян оккупантами. Всю войну Юрий провёл в разорённой войною Югославии, откуда в 1945 году вынужден был переселиться в Австрию с женой Марией Александровной (урожд. Загряжской) и маленьким сыном Алексеем.

На контролируемой союзниками территории Австрии после войны оказалось множество беженцев, не желавших по различным причинам возвращаться в Советский Союз, власти которого принимали различные меры, вплоть до насильственных действий, чтобы способствовать их репатриации. Для Юрия Александровича вопрос репатриации стоял особенно остро, поскольку его дядю, полковника Петра Константиновича Алексеева, оставшегося в Белграде, югославские коммунисты выдали в СССР, где он сгинул в сибирских лагерях. Совместно с другими эмигрантами первой волны Юрий Вахтель организовал группу, которая изготавливала фальшивые документы, позволявшие беженцам миновать насильственной выдачи в СССР. Благодаря развитым с детства художественным способностям Ю. А. Вахтеля не одному десятку русских людей удалось уйти от возможных расправ со стороны коммунистических карательных органов.

Из Австрии Ю. Вахтель вместе со своей семьёй в 1950 году перебрался в Аргентину. Очутившись в этой южноамериканской стране, Юрий Александрович посвятил себя воспитанию детей, а также общественной и церковной жизни русской колонии. С группой российских изгнанников своими руками он возводит православный храм Покрова Пресвятой Богородицы в городе Темперлей. Будучи убеждённым монархистом, вступает в основанный в 1929 году Российский Имперский Союз-Орден, а также, взяв в качестве псевдонима фамилию своего деда — Сцепуржинский, — печатается в русской эмигрантской прессе, в частности в газетах «Наша страна» (Буэнос-Айрес), «Россия» (Нью-Йорк), «Русская жизнь» (Сан-Франциско), в журнале «Вече» (Мюнхен) и т. д.

В 1963 году семья Юрия Вахтеля в очередной раз меняет страну пребывания, переехав в США и поселившись в городе Рочестер (штат Нью-Йорк). На американской земле он продолжает вести активную общественную

работу в среде Русского зарубежья. Создаёт Рочестерский филиал Сиракузского отдела Конгресса русских американцев. Некоторое время редактирует монархический журнал «Имперский вестник». Участвует в организации церковных, благотворительных и патриотических мероприятий, направленных на укрепление связей между представителями русской диаспоры, способствующих распространению русского языка и культуры, воспитанию подрастающего поколения. Масштаб деятельности Ю.А. Вахтеля привлёк к нему внимание нобелевского лауреата писателя А.И. Солженицына, взявшего у него интервью.

Будучи горячим русским патриотом и антикоммунистом, Ю. Вахтель до последних дней с болью в сердце и надеждой смотрел на процессы, происходившие в нынешней России, свято веря в девиз, пронесённый через десятилетия изгнания: «Коммунизм умрёт — Россия не умрёт!»

Скончался Юрий Александрович Вахтель в Рочестере 13 мая 2001 года и погребён на кладбище Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле.

Представляемые ныне «Детские впечатления», составленные на основе ранних дневниковых записей автора, являются самобытным свидетельством о времени, судьбах и переживаниях периода революции и Гражданской войны через детское восприятие.

С. А. Маньков

Ю. А. ВАХТЕЛЬ

ДЕТСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Февральская революция 1917 года: город Екатеринбург

Мне не было ещё 9 лет, когда произошла февральская революция. В Екатерино́даре¹ стояли тёплые солнечные дни. Все спешили на площадь к войсковому собору, где обыкновенно производились смотры войскам, устраивались парады, а сегодня ожидалось нечто особенное.

У нас была бонна². Моему старшему брату, мне и младшей сестре она приколола наскоро сшитые из широкой сестриной ленты красные банты и повела нас на площадь. Надо было пройти 10–12 кварталов. На улицах полно народа. У всех радостные, оживлённые лица.

Наконец мы у цели. Стали у стены палисадника реального училища. Вся площадь залита народом. На толстых ветвях ещё голых деревьев расположились отдельные фигуры, и не только «уличных мальчишек», — СВОБОДА.

Несмотря на множество людей, нигде не было видно блюстителей порядка — городских. Их чёрные фигуры с оранжевыми жгутами как

Александр Ильич Вахтель

ветром сдуло. Не было заметно и организации каких-либо зрелищ. Кто-то на площади о чём-то надрывался, ближе к нему стоявшие одобрительно гудели и махали красными, как наши банты, флагами. А русских флагов было почти не видно.

Первым спохватился мой брат.

— Пойдём скорее отсюда, — приставал он к бонне.

Гляжу, он оторвал с гимназической шинели свой бант. Я с удовольствием последовал его примеру. Что-то не русское, а скорее всего враждебное русскому почудилось мне в этом скучном торжестве, без ярких красок

ковров на балконах домов и пёстрых флагов, без стройно проходящих войск и ликующей музыки духовых оркестров. Вместо этого вдруг запели: «Отречемся от старого мира...» Это было ново и несколько рассеяло скуку и какое-то внутреннее неудовольствие от всего виденного. Но слова песни чем-то были обидны: «отряхнём его прах с наших ног...»

Перед глазами маячили грязные ботинки стоявшего на дереве человека.

Вернулись домой с каким-то неприятным осадком. За обеденным столом стали вести себя более непринуждённо, чем всегда. Отец только посматривал на нас. Наконец бонна сделала замечание. В ответе сослались на свободу. Всё стеснение, которое мы ощущали от революции, было в рамках дозволенного и недозволенного для детей. Теперь, казалось нам, не должно бы быть никаких больше стеснений. Обратились к отцу за разъяснением. Отец, товарищ прокурора, применительно к детскому разумению пояснил нам понятие свободы на нашем же сегодняшнем поведении за столом.

— Очень просто, — сказал он. — Вчера за столом вы вели бы себя так, как сегодня, — и очутились бы в углу носом. Так и на улице. Вчера босяки прятались, боясь понести наказание за босяцкие поступки, а теперь они ничего и никого не будут бояться. Для них ведь тоже наступила свобода. Для хороших людей, для их хорошей и полезной деятельности, их хороших поступков всегда была свобода. Закон, созданный для пользы всех, карал преступников и этим ограждал, защищал всех порядочных людей. Теперь преступление расцветает, так как все свободны в своих поступках и этим прежде всех воспользуются недобрые люди.

После такого объяснения мы, дети, повесили носы. Революция нам ничего не даст. Мы будем и впредь, пока не вырастем, слушаться взрослых, т. к. только таким путём мы сможем стать порядочными людьми.

На другой день погода опять была отличная. Солнце сияло. Теплынь. Сын хозяина дома, художник, доканчивал во дворе большое полотно-

плакат: девица с рогом изобилия несётся, чуть касаясь босыми ногами травы. Из рога изобилия сыплются цветы, устилая собой путь девицы. После отцовского объяснения мы в этой картине не видели правды, а усматривали если и не совсем сознательную ложь, то, скорее всего, заблуждение.

В начале мая наше семейство, за исключением отца, выехало на дачу, расположенную по шоссе Новороссийск — Геленджик, на берегу Чёрного моря. Из Петрограда сюда же приехала наша тётя с двумя сыновьями, нашими ровесниками. Тётя привезла с собой книгу превосходного иллюстрированного журнала «Солнце России», с множеством снимков уличных событий с первых дней революции. Она жаловалась на трудность путешествия в «Максиме Горьком», как обыватель окрестил поезд, доставивший её из Петрограда в Ростов-на-Дону. В поезде полностью отсутствуют удобства. Он битком набит пассажирами и идёт не по расписанию, раза в два дольше, чем полагалось бы.

Питались на даче мы очень хорошо. Хлеба и рыбы было в изобилии, фруктов и ягод тоже. Но сахара не было. Каждый из детей получил по спичечной коробке мелко наколотого рафинада на неделю. Чай мы научились пить «вприкуску» и «вприглядку». В это время кумиром у взрослых был Керенский³, с постоянными самыми восторженными эпитетами: умница, душка и т. п.

Однажды примчалась к нам на дачу дама, соседка по даче, которая всегда восторгалась речами Керенского и называла его всегда «душкой Керенским», вбежала на террасу и вместо обычного приветствия завопила: «это не может быть, это ошибка какая-то, Керенский это не сделал бы...». Дальше она упомянула имя Корнилова, стала читать принесённую ею газету и вдруг захохотала. Нас, детей, спешно выставили вон, т. к. мы принялись тоже смеяться, а даму успокоили холодными примочками. После этого в нашем доме Керенского стали называть «этот душка», а мы, дети, в обидах и ссорах между собой бранились «душкой» «стоеросовой», «отпетой», «круглой» и т. д., взяв ходовые прилагательные для «дурака».

По нашему шоссе часто разъезжали казачьи патрули. Появились шайки грабителей. Напротив нашей дачи, через шоссе ограбили дачников. Несколько дач подожгли. С моря ожидали прихода «Гёбена»⁴, а на наш флот не надеялись больше. Молоко мы покупали на «ферме», в десяти минутах ходьбы от дачи. Однажды оттуда мы возвратились с пустыми руками и больше не видели молока до самого возвращения в Екатеринодар. Помнится, взрослые что-то непонятное говорили о хозяине-хохле.

Анна Степановна Вахтель
(урожд. Сцепуржинская)

Александр Ильич Вахтель. 1909 г.

Под конец лета и с рыбой были затруднения. В середине сентября мы вернулись в ещё душный Екатеринодар.

Стояло продолжительное бабье лето. В городском саду как ни в чём не бывало раскинула свои павильоны Всероссийская сельскохозяйственная выставка. В театре гастролировал М. Х. Т., в лучшем кинематографе «Палас» давали «Иванова Павла», с пением за сценой, рекламы прочих кинотеатров манили публику огромными красными вопросительными знаками, чёрными масками и револьверами американских картин, с добавочными короткими космическими картинками и кинохроникой с французского фронта. Перед русской публикой героями войны проходили «пуалю»⁵. А ведь и года ещё не прошло, как боевиком стала картина «Штурм и взятие Эрзерума». На эту картину водили учеников и учениц всех средних школ, а родители повели и детей дошкольного возраста. Теперь наши «серые герои»⁸ заполнили празднующейся толпой широкие асфальтовые тротуары главных улиц города, говорят, забили оба вокзала, ожидая попутных поездов на север. А на стенах домов и на рекламных вертушках, на углах улиц ещё попадаются незаклеенные плакаты с изображением в красках «казачьей лавы»⁹, с надписью «война до победного конца». Но шуршит всё больше на панелях шелуха от семечек, и «солдатики», с командировкой и без оной, всё едут и едут. А говорят уже, что и Екатеринодар вовсе не Россия. Нарочно поэтому везде пишу мелом и кирпичом на стенах домов: «Россия, Россия, Россия».

Однажды в ветренный дождливый день остановилась у ворот нашего дома обозная повозка. Из неё вылезли два офицера; один из них был мой дядя, подполковник сапёрных войск П. К. Алексеев, и с ним капитан Бершов. Они прибыли прямо с Кавказского фронта, не избежавшего развала — так же, как и австро-германский фронт. Наш дом пополнялся и за счёт Петрограда. Отсюда приехал мой другой дядя, полковник Клястицкого гусарского полка Ф. П. Гарин, инвалид. В дальнейшем наш дом, как, впрочем, почти все дома в городе, стал прибежищем для очень многих лиц, прежде нам совсем неизвестных. Прибывали из Питера, с германского фронта, а по окончании войны в Европе — из Франции.

Опять в погожий солнечный день я был как громом поражён, увидев вошедшего в нашу ещё занятую жильцами столовую отца. На нём была новенькая солдатская шинель и в руке винтовка.

— Воин в полном вооружении, — сказал отец шутливо.

Мама заплакала, моё же сердце сильнее забилося. Я был наконец удовлетворён. Всю войну мне было обидно за папу, что он не военный и не воюет за Россию. Из-за порока сердца его браковали. Теперь в моих глазах он стал настоящим человеком.

В отряд полковника Лесевицкого¹⁰ записались Бершов, Петя (мой дядя), полковник Хабалов, его сын Сергей, кадет, наш судебный следователь Казаков и юнкер Алик Беднягин. Это всё наши ближайшие соседи. Чудак Казаков взял в цейхгаузе¹¹ не новую шинель, а старую, на фронте простреленную, чтобы больше походить на «вояку». Когда отец считает, что его решение не подлежит обсуждению, как неизменное и окончательное, он обыкновенно произносит длинную тираду, в которой ставит все точки над «i» и этим предотвращает все возражения. Как опытный оратор — он вносит под конец юмористический элемент и этим отводит внимание от главного. Впрочем, на этот раз вряд ли бы ему кто из нас возразил.

— А как же с твоим сердцем? — спросила мама.

Но отец только отмахнулся.

— Теперь порок сердца не препятствие. Приняли даже горбуна, — ответил папа.

Из всего слышанного я заключил, что Россию ожидают какие-то беды, если даже больных и калек принимают в армию. И даже мальчиков, таких как Серёжа Хабалов, который был старше меня только на четыре года; следовательно, вскоре сможет поступить и мой старший брат, а если война продлится, то и я пойду спасать Россию. Мой брат как бы прочёл мои мысли, но был ещё радикальным в своём решении. Он не хотел ждать, когда ему исполнится столько же лет, как его приятелю Серёже Хабалову, и заявил отцу, что и он хочет записаться в армию.

— Хорошо, — сказал отец. — Вот принесу тебе берданку¹², и если её подыметь на вытянутой руке, то позволю записаться.

Это было равносильно отказу. С той поры брат постоянно занимался шведской гимнастикой и набил себе не по годам крепкие бицепсы.

Отряд полковника Лесевицкого расположился в здании Епархиального училища, близ атаманского дворца. Мы навестили папу. В коридорах стояли сошки с винтовками, а вовсе не с берданками. В классных комнатах, больших и светлых, расставлены кровати. Повсюду ходили, сидели и полёживали молодые офицеры, попадались и формы кадет ближайшего Владикавказского корпуса, гимназистов и реалистов.

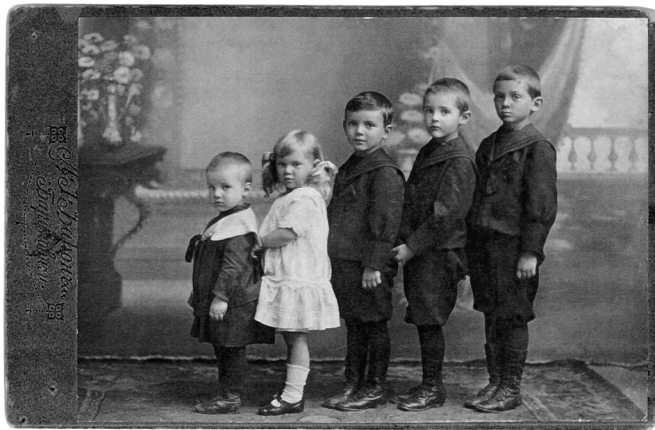
Отряд уже находился в постоянных стычках с «бандами сорокинцев». Серёжу Хабалова мы не застали. Он на «фронте», сказали нам.

Папа был артиллерийским прапорщиком запаса. Теперь он на действительной службе. Его золотые погоны с одним просветом и звёздочкой ласкали мне глаза и в мечтах своих я, отвергая две и три, добрался до четырёх. Это ведь так внушительно и особенно красиво в сочетании с пере-

крещенными двумя пушечками. Мы с братом поспорили. Он предпочитал капитанский погон, без единой звездочки.

— Умерьте ваш пыл, — сказал отец. — Пока я только несу службу рядового, при сапёрной части подрывников...

Бои с «сорокинцами» всё более разгорались. Называли их цифру в 40 тысяч сабель и штыков. У Лесевицкого было раз в сорок меньше.

Лёва Алексеев, Нина Вахтель, Юра Вахтель, Лёка Алексеев, Серёжа Вахтель

По ночам слышны были скромные артиллерийские выстрелы. Обе стороны берегли снаряды.

Однажды с фронта приехал папа. Его направили на похороны добровольца поляка, «погибшего вместо папы». Их «блиндированный поезд» (простые товарные вагоны, обшитые вторым рядом досок, с землёй между рядами. — Ю.В.) был взят в вилку трёхдюймовой батареей

сорокинцев. Папа встал, чтобы прикурить, а его место немедленно захватил поляк-доброволец. Сразу после этого снаряд пробил стену вагона, грудь поляка и, вылетев через другую стенку, разорвался снаружи.

Ещё раз все трое — мой дядя, капитан Бершов и папа — появились в нашем доме. С ними были ящики с динамитными шашками. Утром простились и уехали; поздно вечером пришли откуда-то мама и тётя и обе стали поторапливать нас, детей, собираться в гости. А мы уже было собирались укладываться спать. В такое позднее время по гостям не ходят. Не приставая с расспросами, быстро оделись и вышли. Стояла свежая ночь. Улицы пустынные и темные. Повстречались с такими же горемычными гуляками, как и мы. Из ворот одного дома вдруг раздался глас пролетария, по-видимому иногороднего: «тикайте, тикайте, буржуи, не втикнете...», и ещё длинно добавил такое, что в последнее время стали на заборах писать.

Наконец пришли и стали маму критиковать, что нас кругом всё водила, а напрямик раньше бы сюда могли придти. Очутились мы в самом центре города, на пересечении главной улицы и Екатерининской, идущей от вокзала. Поднялись на третий этаж армянской школы, и принял нас в свою скромную квартиру сторож школы. Несколько дней тому назад он был у нас в доме и о чём-то разговаривал с мамой и тётей. Нас, детей, выслали из комнаты. Потом гость играл на каком-то армянском инструменте, похожем

на мандолину, и спел армянский гимн, мотив которого мне запомнился и, как теперь знаю, встречается у Ипполитова-Иванова в его «Кавказской сюите».

Нас вскоре уложили спать, а утром я проснулся разбуженный криками галок, как мне показалось, отражёнными от железной крыши. Может, это было связано с моими сновидениями. На самом деле оказалось, что под самыми окнами затарахтел пулемёт. Сразу после этого в комнату вбежала мама. На ней было очень скромное пальто. Она была свидетельницей, как один офицер на мотоциклетке попытался удрать, но по нему стреляли из пулемёта и он упал.

В городе были большевики. Из окна одной из классных комнат я видел опустевшую Красную улицу (главную. — Ю.В.). Напротив высокого и длинного казённого дома на садовой скамейке сидело несколько вражеских солдат в новеньких русских шинелях, с петличками защитного цвета, но без погон. От них на меня веяло холодом. А ведь совсем ещё недавно при виде русского солдата я испытывал к нему восторженное чувство. Сейчас из защитников Родины они обратились в её смертных врагов. Странно, сидят на лавочке спокойно, как бы отдыхают от трудов праведных. Мне казалось, что должны были бы ёрзать, не находить себе покоя, мучимые угрызением совести.

Спустя три дня мы возвратились домой. С вечера начинали завывать собаки во всех дворах города. Вой их прекратился с приходом белых. Собаки чуяли кровь, и мы знали: чем гуще вой, тем больше расстрелов.

Мы снимали небольшую квартиру во втором этаже флигеля при особняке некоего Гарбуза. Флигель тремя окнами по фасаду выходил на улицу, а по длине тянулся вдоль всего обширного двора, вымощенного кирпичом. Чем занимался Гарбуз, не имею представления. Возможно, по купеческой части. Безусловно, это был очень обеспеченный человек. Одевался он несколько архаически — в долгополые сюртуки, но всегда добротно, с иголочки. Даже обувь носил особенную, узкую, с длинными лакированными носками. Его сын, женатый на докторше, считался художником, но кроме плаката, им написанного в первый день революции, я не видел больше ни одной его картины. Часто все Гарбузы выезжали к себе на хутор, и к приходу большевиков никого из Гарбузов не было в доме. В глубине двора, напротив нашего флигеля помещался сарай с дровяным складом, при котором в маленькой каморке проживал всегда оборванный, перепачканный и крайне неряшливый родной дядя старого Гарбуза. Он постоянно занимался пилой и колкой дров, набивал ими сарай, складывая их в аккуратные ряды до самого потолка. Звали мы его «Дидом» и никогда не знали его имени. Окно каморки Дида выходило над самым мусорным ящиком. Обязанностью Дида было следить за чистотой двора и вовремя вывозить мусор, чем он определённо пренебрегал — и первый, особенно летом, от этого страдал. В каморке с Дидом проживала чёрная кудлатая собачка Шарик.

Под всей квартирой Гарбуза было ещё полуподвальное помещение для кухни и прислуги. Это было очень хорошее помещение — сухое и чистое, предназначенное, по-видимому, для хранения большого количества продуктов. Теперь там жили сёстры: кухарка и горничная Гарбузов. Обе теперь одевались барынями. «Большевички», — решили мы по-детски. «Дуры, кто им раньше запрещал так одеваться?» — говорили взрослые. Но к нам они не переменились нисколько, не задрали носов. К сараю примыкала первичная для всего двора хата, под железной, правда, крышей и с огромной русской печью. В хате поселилась наша сверстница, хороший товарищ в играх, краснощёкая «сибирочка», приехавшая с матерью из Сибири незадолго до октября.

Ни для кого из всех жителей двора, да по-видимому, и соседних дворов, не было секретом, что мой отец и дядя — добровольцы в отряде полковника Лесевицкого, а по его гибели — Покровского¹³. И если, за исключением диды, отнести семейство Гарбуза к «буржуям», то все прочие были настоящими пролетариями. Большевики, естественно, прежде всего принялись вылавливать оставшихся в городе добровольцев, выискивали и их семьи — и, судя по завыванию собак, дела их шли неплохо; но, к чести наших соседей, доносов против нас не было.

К нам три раза приходили с обыском. Обыскивали ведь всех без исключения буржуев. Первый обыск произвели местные рабочие. Искали оружие и очень обрадовались, найдя старого образца судейскую шпагу. Однако один из рабочих презрительно бросил:

— Этим разве только крыс колоть...

А вот в шкафу среди висящей одежды не заметили брюк военного образца моего дяди, в кармане которых был небольшой бельгийский браунинг. После обыска, приводя вещи в порядок, тётя пришла в ужас задним числом, увидя брюки мужа и пистолет в них.

Вторично нагрянули с обыском красноармейцы, как ни странно, под командой интеллигентного вида солдата, с чёрной повязкой вокруг тульи фуражки — анархиста. Второй и третий раз искали тоже оружие и справлялись об отце. Их совершенно удовлетворило утверждение мамы, что отец выехал в командировку в Петроград и мы о нём с тех пор не имеем сведений.

Город вдруг наполнился австро-венгерскими военнопленными. Особенно их много толкалось на базарах, в частности по соседству с нами, на Старом базаре. Попадались на улице и китайцы. В особняке Гарбуза поселился комиссар. Он не был русским. Обе его ноги были искусственные — говорили, пробковые. Жил он нелюдимо. Изредка появлялся во дворе. Однажды позвонил меня к себе и очень ловко смастерил мне часы из картона. Обе стрелки можно было вращать с задней стороны часов. Расспрашивал меня о том, о сём, но я был начеку, отнёсся к нему с недоверием — и больше он не подзывал меня к себе. Мне было жаль его, когда на следующий день по приходе белых его пришли арестовывать. Впереди его шёл поручик, а он не поспевал за ним на своих пробковых ногах

и взмолился, чтобы поручик шёл медленнее. Судьба его мне неизвестна, но не думаю, чтобы белые щадили комиссаров.

Появились и евреи в городе. Раньше их там не было. По отзывам старших, евреям нечего было делать в Екатеринодаре, где почти вся торговля была в руках армян, а армяне крепче евреев по торговой части. Но не для торговли прибыли с большевиками евреи. Определённо говорили, что всё местное Чека¹⁴ из евреев и латышей, а китайцы — их подручные. Одна еврейка Н. Ф. Барт втёрлась в доверие к моей тётке. Обе закончили зубо-врачебные курсы в Петрограде и, встретившись в Екатеринодаре, открыли вместе зубо-врачебный кабинет. Тётя не знала, что её компаньонка — еврейка и коммунистка, и это в дальнейшем причинило ей много горя.

Маме тоже пришлось подыскивать себе работу, чтобы прокормить всех нас. Она поступила в статистическое бюро на 200 руб. в месяц, а меня и брата пристроила в школу. В школе не было преподавания по некой продуманной и серьёзной программе. Не видно было в школе и настоящих учителей. Не было ни предметов, ни даже классных комнат. Нас усаживали в тени деревьев за длинным столом, на котором мы находили в беспорядке набросанную глянцевую бумагу, ножницы, клей, карандаши, краски.

Нам предлагали делать каждому кто что хочет, что ему нравится. Но у каждого из нас была, однако, обязательная грядка, на которой мы выращивали, помнится, редиску и огурцы. В школе нам читали сказки, устраивали массовые игры, учили нас хоровому пению. Время было летнее, и возможно, что с осени мы перешли бы к серьёзному обучению. Однако уже в августе в городе и в крае большевистская власть пала. Перед падением их власти учеников всех школ собрали в каком-то большом саду и сытно накормили пирожками с яблочной начинкой. Это особенно запомнилось, т. к. при большевиках исчезали продукты; то, что приобреталось, было недостаточно, случайно и плохого качества. Однажды в макаронах — толстых, ребристых — я нашёл таракана, впрессованного в тесто ещё на макаронной фабрике. Вместо сахара пользовались патокой, а чай заваривали сушёной яблочной кожурой. Хлеба было достаточно.

Среди школьной детворы всех сословий и национальностей был единственный еврей — сын доктора Самойловича, старого детского врача ещё с прежних времён. Не знаю, как началось, но ватага ребятишек после школьных занятий погналась по улицам за Самойловичем, крича: «Бей жидов, спасай Россию». В той части города редкие прохожие не останавливали детвору, и Самойловича от товарищеского рукоприкладства спасли его прыткие ноги. На другой день он появился в школе как ни в чём не бывало, а начальство школы не поднимало вопроса и, по-видимому, не было осведомлено об этом происшествии. Постепенно Самойлович в глазах товарищей утратил свою одиозность, больше всего основанную на привилегированном положении его племени.

С приходом большевиков переменялся внешний вид горожан. Раньше так и мелькали черкески с кинжалами, было много форменного платья стат-

ского и в меньшей мере военного, дамы щеголяли на высоких каблучках, в модных коротких меховых накидках и с серебряными сумочками. Теперь редко кто пройдёт в черкеске, разве только горец в папахе с зелёным верхом и полумесяцем. Теперь по заплёванным семечками улицам серели «пинджаки» и «галихве», некие вояки в защитного цвета рубахах и фуражках, но по неряшливости, на мой глаз, совсем не похожие на русских солдат, франты-матросы и множество австро-венгерских военнопленных, при оружии и без. Попадались и особы женского пола, всегда одетые «по-простому». Впрочем, летом всегда все ходили в светлых и скромных платьях и лёгкой парусиновой обуви.

На Красной улице магазины опустели. Дворники перестали мести улицы и приходилось постоянно щурить глаза, особенно при ветренной погоде, от пыли и соринки.

По улицам проводили арестованных: штык спереди и сзади, а арестованный в середине.

Мирное течение зарождающейся советской житухи было неожиданно прервано боями с Корниловым¹⁵. Несколько дней скрежетали над нашими головами снаряды. Стреляли по ферме за Кубанью, по командному пункту Корнилова. Позднее читал, что последним снарядом красных был убит Корнилов. Белые отошли, оставив своих раненых на милость победителей. Красные их прикончили, а тело Корнилова нашли и таскали по улицам города, волоком по мостовой. Кто не верил в гибель вождя антибольшевистских сил, мог теперь лично убедиться, что это не очередная большевистская ложь. Наши взрослые в этом убедились.

Во время артиллерийской стрельбы все обитатели нашего двора сидели в полуподвальном помещении гарбузовского особняка, в квартире прислуги Гарбуза. Обе женщины были внимательны к нам и наперебой успокаивали маму и тётю.

— Даст Бог, мужья ваши вернутся домой целы и невредимы, — говорили они.

Когда белые отступили, они опять нашли нужным по-своему обнадёжить, подбодрить наших мам.

— Вот и хорошо, — говорили они, — скоро все замирятся и по домам...

Однажды эти «большевички», очень расстроенные, поднялись к нам на второй этаж. Тётя была в своём зубо врачебном кабинете, а мама собиралась на службу. Все ушли в маленькую комнату бабушки и там о чём-то продолжительно разговаривали. Когда наши гости выходили, лица их были заплаканы, но выглядели они бодрее, чем когда пришли. У мамы лицо было в красных пятнах, что всегда с ней бывало при сильном волнении. Но и она тоже смотрела бодро.

— Подумайте, дети, — сказала мама, — с какой нелепостью пришли Варя и Феня! Говорят, царя и царицу, и наследника, и всех царских дочерей убили¹⁶! Ещё можно было бы поверить, что царя и даже царицу большевики убили, но зачем же убивать невинных детей? Да и не посмели бы. Весь мир

возмутился бы, и Ленину с Троцким несдобровать бы тогда. Они не глупые. Я их успокоила. Но вы ничего не знаете, идите теперь в вашу школу...

Увы, мама ошиблась.

Свершилось величайшее преступление в истории человечества (исключая крестные страдания Господа нашего Иисуса Христа). Этим злодеянием Ленин, во-первых, окончательно развязал руки преступлению. Теперь всякое новое убийство станет рангом ниже. Во-вторых, Ленин сжёг корабли для отступления. И чекисты уже лично были заинтересованы в количестве раздробленных затылков.

Слухи о гибели всей царской семьи упорно держались. Вместе с ними поползли слухи о возобновлении массовых расстрелов. По ночам гуще завывали псы. Погибли в застенках кое-кто из наших знакомых судейских. Прежде они карали за преступления; и бывшие преступники, очутившись на свободе благодаря «душке», а благодаря Ленину — у власти, вымещали теперь на судивших их свои тюремные заключения. Да и сами судейские, благодаря утончённости культуры, являлись преградой для строительства коммунистического общества. Осуждённая на смерть Лениным русская интеллигенция свои первые потери стала нести в судейской среде. Однако и прочие складывали свои головы. В первые пасхальные дни были арестованы и расстреляны все анархисты, только что помогавшие большевикам. По-видимому, был расстрелян и тот анархист, что возглавлял одни из обысков в нашей квартире. Расстреляли и молодого народного учителя, мужа сестры нашей бывшей бонны. Тут «своя своих не познаша», как говорили наши взрослые.

Комиссар во дворе не появлялся. Весь день он отсыпался, а к вечеру за ним приезжали и возвращался он к утру.

Появился у нас во дворе новый жилец. Сибирочка называла его папой и перебралась с матерью в квартиру под нами, где проживала генеральша Бабич, вдова бывшего наказного атамана Кубанского войска¹⁷. «Папа» Сибирочки въезжал во двор верхом на белой лошади. Звали его Миронов¹⁸. Он всех и вся презирал, но о себе был высокого мнения. Полуграмотный, он считал, что по-настоящему только он умеет воевать, что ещё немного — и он всех заткнёт за пояс, «як Наполён». Но вскоре и его белой лошади не стало, а Сибирочка, плача, рассказала нам, что её папу «поставили к стенке». Она привязалась к Миронову, который ей всегда приносил гостинцы и баловал свою «дочку». От Бабич она с матерью снова переселилась в хату, а в мироновскую квартиру въехал какой-то инженер. Миронова было жалко.

Однажды, вернувшись из школы, я застал в нашей комнате «самых страшных большевиков». Трое моряков-черноморцев сидели за столом и мирно попивали наш яблочный чай. Угощала их чаем бабушка и я сразу увидел, что она чем-то чрезвычайно довольна. Она прямо сияла от радости.

Матросы были самые настоящие, с татуированным якорьком на руке. Без сомнения, они не наши «екатеринодарские героини». Руки их без маникюра, лица и шеи не напудрены и во рту свои, а не золотые зубы. На руках у них нет браслетов, плечи и пояс без пулемётных лент, но револьверы при них.

— Вот, Юра, — сказала бабушка, — письмо от папы.

На столе лежал открытый пухлый самодельный конверт. В это время возвратилась со службы мама.

Какими внутренними побуждениями руководились матросы, принеся нам добрую весть? Ведь для них мы были представителями вражеского стана. Может быть, в них ещё крепко сидело старое русское «лежачего не бьют?» А может быть, наступило уже в их душах разочарование, проявившее впоследствии себя в Кронштадтском восстании балтийцев. Ведь только что Ленин предал флот, распорядившись передать немцам корабли в Севастополе. Им же отдал он Украину вместо обещанного мира без аннексий и контрибуций.

Где-то на фронте под Ростовом-на-Дону моряки встретились с папой и, не знаю при каких обстоятельствах, договорились, в результате чего почувствовали себя сынами одной Родины, прежде всего русскими людьми. В этом духе они долго говорили нам, но за давностью прошедшего с тех пор времени подробностей не помню. Да и с большим вниманием обратился к письму папы. При письме была фотографическая карточка отца, дяди и капитана Бершова. Все трое снимались в Ростове всего несколько дней назад. Карточка сохранилась у меня и по сей день, а письмо я некогда знал наизусть. Письмо подробно описало весь страдный путь отряда Покровского (бывшего Лесевецкого. — Ю.В.) по выходе из Екатеринодара, соединение с Корниловым, 1-й Кубанский Ледяной поход¹⁹, атаку Корнилова на Екатеринодар, гибель Корнилова и возвращение на Дон под командованием Деникина²⁰. В бинокль папа видел близко крышу нашего дома.

Расстались друзьями с матросами, но никогда больше о них ничего не слышали.

В эту затхлую, насыщенную расстрелами атмосферу вдруг ворвалась свежая струя надежды на изгнание преступной власти из города и края. Лишь бы не повторилось как при корниловском наступлении. В начале августа определённо стали все поговаривать об оставлении красными города.

— Скоро ваши придут, — сказала маме гарбузовская кухарка.

Наступил последний их день. Он чуть не стал и нашим последним днём. Во двор въехали верхом три матроса. Эти были полной противоположностью наших недавних гостей из Ростова. Я сидел у окна во двор и видел все происходящее. Мама лежала на оттоманке. У неё часто бывали головные боли, и на этот раз она скверно себя чувствовала. В кресле напротив сидела навестившая маму соседка Л.И. Андропова. Она и спасла нас. К матросам приковылял Дид, одетый, как всегда, в невероятное рубище из грязно-

коричневой дерюги, рваной и перепачканной. Я видел, как матросы о чём-то спросили Дида и тот показал рукой на наши окна. Матросы закричали мне, чтобы хозяйка немедленно сошла вниз. К окну подошла мама и спросила их: какую хозяйку им нужно? Ответили:

— Тебя и нужно, и немедленно подавай 5000 рублей, не то тебя и твоих щенят бомбами разметаем.

Мои брат, сестра и двоюродные братья в это время все стояли у окон, привлечённые зрелищем. Действительно, вид матросов был классический. Обмотанные пулемётными лентами, обвешанные ручными гранатами и на конях, они так и просились на полотно, как «краса и гордость» русской революции. Вид их был свирепый и решительный, но требование их для нас было невыполнимо.

— Это очень большие деньги и никогда у нас таких денег не бывало, — ответила мама. — А я сама служащая и получаю в месяц 200 рублей и едва этого мне хватает накормить всю мою семью...

Но матросов нельзя было переубедить. «Барыне» они не верили, а «свой брат» пролетарий всё тыкал на нас рукой и уверял, что мы хозяева дома.

Видя это, мама стала стыдить Дида за враньё:

— Вы старый человек, одной ногой в гробу стоите, а говорите неправду, из-за которой нас могут убить. Что скажете Господу?... Дом ведь вашего племянника и за квартиру мы платим вам.

Но для Дида не было отступления и он продолжал настаивать на своём. У матросов лопнуло терпение. Все сошли с лошадей и, привязав их к решётке ворот, медленно направились по указанию Дида к крыльцу нашей квартиры. Кончилось бы всё очень обыкновенно для этого окаянного времени.

Но тут вмешалась наша гостья Л. И. Андропова. Она служила машинисткой в Чека. Она и открыла входную дверь матросам, но дальше порога их не впустила, показав только свой документ, — матросы были грамотные и сразу всё смекнули. Дид получил от них по потылице, матросы от Дида — деньги, а затем вскочили на лошадей и съехали со двора.

Рано утром следующего дня посреди двора стояла небольшая одинокая фигура, облачённая в синюю черкеску, с серебряными погонами и такими же газырями, шашкой и кинжалом.

— Есаул Римский-Корсаков, — отрекомендовался гость маме.

Он отказался от припрятанного бабушкой кофе, т.к. очень спешил устроить на квартиры свою казачью часть.

Это был первый белый воин, которого я увидел в освобождённом Екатеринодаре. С тех пор минуло 57 лет, но я вижу его ясно и теперь, в его покрытой пылью черкеске, так свежо и ярко, будто только что от него отвернулся, но все пылинки ещё переливаются и блестят и играют на солнце в моих глазах.

Екатеринодар при белых

С высоты второго этажа из окон нашего дома через улицу, за сплошным дощатым забором, я вижу в особняке генеральши Домантович, на веранде, у фонтана и среди цветника, поросшего бурьяном, белых воинов. Они больше в гимнастёрках, но попадают и черкески. Перед главным фасадом, вдоль бульвара, начинающегося от угла нашей Крепостной улицы, расставлены телеги с воинским грузом и среди них множество солдат и казаков. На левом рукаве у всех вшита стрелкой вниз угловая бело-синекрасная ленточка. Все в погонах. Вижу в группе офицеров синюю черкеску есаула Римского-Корсакова. Какой-то офицер вышел на крыльцо веранды, и казак вытянулся перед ним. Офицер ему что-то сказал, казак отдал честь, повернулся кругом и заспешил к воротам. Всё это казак проделал лихо «по уставу», — как помнится мне, я всегда так раньше видел: в Барановичах, в «бригаде», когда ещё не было войны и революции. Стало отрадно на душе: вот снова с нами русская сила; она изгонит злодейство. Так я по-детски ощущал.

Сбежав вниз по лестнице, я направился к дому Домантович. К обозным телегам бочком пристали возы с арбузами. Старик казак угощал всех, дал и мне кусище. В воздухе пахло деревней: дёготь, сено, кони, кожа, нагретая солнцем, пыль с соломенной трухой, а тут ещё и арбузный дух. Всё это с раннего детства моё родное, и казаки, что тут с обозом, и те, что наполнили весь двор и сад генеральши Домантович, — все они мои родные, как были и те, что так ласково всегда со мною разговаривали, когда привозили меня в «бригаду» ещё до войны, и которые ушли на войну.

Подбежали приятели. Зовут к обрыву: говорят, там стреляют. Наша улица заканчивалась на нашем же квартале обрывом в Кубань. Летом река на версту и более отступает от обрыва, давая просохнуть просёлку, именуемому Набережной улицей. На кромке обрыва обрывался и большой фруктовый сад всё той же генеральши Домантович. Тут стоял пулемёт, а за рекой в реденькой роще двигались маленькие фигурки.

— Там большевики, — сказали приятели.

Время от времени казак-пулемётчик нажимал на спуск и выпускал короткую очередь. В обнимку с ним сидела казачка. Она его угощала пирожками с яблочной начинкой, раздавала и нам. Вскоре интерес к этой стрельбе пропал у нас, и мы убежали в глубь сада сбивать ещё не совсем спелые яблоки. Среди деревьев казаки разложили костры и в золе пекли крупные яблоки.

Первый день прихода белых кончился для нас ничем. Ни отца ни дяди ещё не было, и мама и тётя, не зная ничего о их судьбе, очень волновались.

Наутро в коридоре стояло несколько пар сапог, на вешалке висели шашки, и одна из них — с георгиевским темляком и беленьким крестиком на эфесе. В сердце запело. Я узнал кавказскую шашку дяди Пети.

И отец и дядя возвратились, но капитана Бершова больше не было. Зато появились новые лица: дальний родственник юнкер Коля Златовский — высокий и очень красивый блондин, великолепный гимнаст — и штабс-капитан С. М. Шевцов. Оба только заночевали, а на другой день ушли со своей частью.

С этого дня наша небольшая квартира, как, впрочем, и многие другие — наших соседей, например, — стала каким-то проходным пунктом. Почти ежедневно менялись заночевавшие у нас добровольцы, которых иногда я провожал к вокзалу, показывая дорогу.

Молодые не задерживались долго. Зато постарше застревали или вовсе предпочитали устроиться в тылу. Отец за столом потешался над новоиспечённым генералом, а тот только рукой отмахивался. Да, говорил отец, храбрый был полковник. Ни одной стычки не пропускал. Спал с винтовкой и под пулями не гнулся, а как стал генералом — от генеральши ни на шаг. Она тоже в обозе была, этакая участница Ледяного похода, — правда, всех обшивала и ставила заплаты...

А во втором Кубанском походе²¹ кругом стрельба, а где же теперь генеральская винтовка и сам его превосходительство?

— В обозе, детушки, в обозе, родимые... А как же иначе? Кому же, как не казачьему генералу, не подумать о Быче²² и Рябоволе²³, да и о всей Казачьей Раде²⁴. Вот для их защиты и винтовка не простая, а генеральская.

Мы все смеялись, смеялся добродушно и сам генерал, а В. И., молодая генеральша, помню, очень осталась недовольной. Какой-то поручик, вчерашний ещё прапорщик запаса, да так осмеливается подтрунивать над генералом. В глазах старой полковой дамы это казалось чуть ли не признаком разложения армии.

На столе постоянно дежурил самовар. Кипятку было всегда с избытком, но заварка прежняя, из поджаренной яблочной кожицы. И сам стол был пуст. Однажды вечером миражом засверкала ломтями нарезанная брынза. Оказалось, не брынза, а густо сваренная манная каша, в холодном виде разделанная ножом, каждому по куску.

Однако и за таким мизерным столом решались в спорах важнейшие вопросы. Так, по-видимому, было во всех домах, куда со всей России, главным образом из Питера и Москвы, попадали ушедшие на Юг для борьбы с большевиками все деятельные и любящие Россию.

Много интересного слышал от них. И как пробирались на Юг, что видели в оккупированном немцами Киеве, как на Дону у генерала Краснова²⁵, как под Сорокиным на Кавказе. Сразу, к моему удивлению, объявились и рассчитывающие на помощь немцев. Их, правда, было немного. Раз даже, помню, офицер военного времени И. Богуславский, провоявавший

на немецком фронте всю кампанию, до самого развала фронта, прочёл своё фантастическое произведение, сказку о двух братьях. Она была так красиво написана, что всем и нам, детям, понравилась, и все мы прослушали её с большим вниманием.

— Братья были соседями. Один учёный, изобретатель, другой земледелец, отличался огромной физической силой, добродушием, нравственной чистотой и незлобивостью. Завидую ему во всём, первый брат сорок лет готовился напасть и всё отнять у второго. И вот братья подрались. И пропали оба.

И припев сказочке:

— Эх, зачем это сделали? Разорились и оба пострадали, а надо было им жить, друг друга дополняя, друг другу помогая — и не было бы в мире никого счастливее их.

Мишенька, как все его тогда называли, захлопнул свою клетчатую тетрадь и неожиданно спросил меня:

— Кто эти братья?

— Немец и русский.

Все засмеялись, а Богуславский был очень доволен, что его аллегория оказалась понятной даже десятилетнему.

Но его сказка вызвала горячие споры.

— Братья? Едва ли, — сказал отец. — Впрочем, Каин и Авель были тоже братьями.

Тогда я услышал, что наши враги немцы снабжают нас через Краснова оружием и снарядами из русских Киевских складов. Но другие стали даже кричать, что немцы подослали нам Ленина, — наверное, и ему из тех же складов доставляют оружие и всё необходимое.

Наконец успокоились на том, что союзники, одолев немцев, через Константинополь доставят нам всё военное снаряжение — и конечно, несдобровать будет тогда немецкому ставленнику Ленину.

Пока и впредь будут во всех домах идти подобные сцены и разговоры, пройдемся по улицам Екатеринодара, полюбуемся памятником Екатерине II в сквере, устроенном в скучнейшем, чопорном английском стиле — с газонами и аллеями, обставленными истуканами-уродцами из пористых от времени как от оспы камней; посмотрим на дома, магазины, трамваи, пролётки, ощутим под ногами панели, проберёмся по мостовой, взглянем мимоходом на прохожих...

Екатерину ограбили — из рук её вырвали грамоту казакам, дарственную на город и всю область: грамота была из серебра. Храмы и дома на месте. Лифты в больших домах не действуют. Большой мануфактурный и галантерейный магазин Заливова на углу Красной и той, где театр, лишился всех своих зеркальных витрин и всего, что было внутри, являет собой пустоту и захламлённую мерзость запустения. Домище Окулова, облицованный белым кирпичом, внешне не изменился, и по слухам, в нём уже его хозяйка. Здание Зингера, его магазин, как и все другие магазины, — без товаров.

На полках книжных магазинов хоть шаром покати, в писчебумажных нет тетрадей, чернил, карандашей, перьев, бумаги. Всё это надеются получить из Ростова. Разводятся комиссионные магазины, растут как грибы после дождя буфеты, столовые кормят дешёвкой — блюдом «чашка чая». На Красной улице в двух больших витринах бюро розысков и художественно оформленных объявлений.

Часто проносятся со звоном трамваи, почти непрерывна нить пролёток, гудят рожком на все лады немногочисленные автомобили и крошит многострадальную кирпичную мостовую колёсами проходящая артиллерийская часть. Из обеих столиц бежало множество артистов, и теперь жителям предлагают посмотреть и послушать их на вновь открытых эстрадных подмостках и сцене. А Летний театр в Городском саду не то сгорел, не то разрушен сорокинцами, осудившими эту «барскую затею». Павильоны и рестораны, выстроенные в русском стиле из берёзовых брёвен, приведены в негодность и обращены в отхожие места. В оранжереях выбито много стёкол — может быть, во время боя?

Австрийцев нигде не видеть. Ушли с большевиками? Из серо-безликой подсоветской толпы вчерашнего дня вдруг повылезали франты и франтихи. По-модному дамы носят с собой серебряные сумочки, по вечерам, если становится свежо, накидки из дорогих мехов, и кутаются в палантины. Народа в городе несчитано: кто говорит — утродился, а кто — и удесятерился. Но базары полны, еды всем хватает. В хорошее время, к самому урожаю взят город и очищается от красных областей.

Работают все кинематографы. Подозрительно часто попадают картины с немецким комиком Максом Линдером; в остальном города обмениваются между собой фильмами, до которых «товарищам» не было дела, когда им приходилось драпать. Тут царила Вера Холодная, смешила Лидия Потехина, покорял Иван Мозжухин. Но я всё это знаю только по плакатам и отзывам взрослых.

Разговоры и карты

Моё обычное место вечером — за спиной у мамы. Я сижу на стуле верхом, опустив ноги по бокам сиденья, а мама впереди. Она разливает чай, и с некоторых пор он самый настоящий. Как всегда, за столом много вновь приехавших. Слушаю с интересом их рассказы. Многое из услышанного застряло у меня на всю жизнь. Так, Сорокин — это, оказывается, Болотников²⁶ (долгое время я, ошибочно поняв и не зная ещё русской истории, думал, что «Сорокин» — кличка какого-то революционера Болотникова, как «Ленин» — Ульянова. — Ю.В.). Сорокинцы — самые обыкновенные крестьянские парни, а крестьяне обижены городом, вообще «барами» ещё при Иване Грозном. Но наконец пришла «рабоче-крестьянская власть»,

а ненавистные обидчики — «буржуи» да «офицерье-кадеты» и «юнкеря» — хотят её скинуть. Отсюда столько упорства в боях, столько озлобления и мстительной жестокости, особенно самосудов над пленными, и избиение (недавнее) раненых, оставленных Деникиным после гибели Корнилова. Доброармию спасает пока неумение сорокинцев и вообще большевиков воевать. Но пусть они только научатся — и нас погубит наша малочисленность. Надо торопиться их разгромить, а потом всё сделать, чтобы примирить с собой эту серую заблудившуюся массу. Это основная трещина, но есть их ещё множество, и всё потому, что Россия поделена на сословия. У нас даже армия делилась. Были армия и гвардия, со многими служебными преимуществами для гвардейцев, а ведь умирать на полях сражения приходилось одинаково. Спорили долго, откуда такое деление пошло. Ведь его не было при Дмитрии Донском²⁷. Даже один сказал по-французски «*Un pour tous, tous pour un*» («Все за одного, один за всех». — Ю. В.). Это у нас проклятие Византийской наследственности, всё пошло от Софии Палеолог²⁸. А другие утверждали, что это ведь наша исконная черта, и в пример приводили кулачные бои, какие-то «гора на гору», до полусмерти — чтобы только «моя взяла», и что мы от природы неуживчивы и друг к другу враждебны, и что спасала Русь только княжеская власть, а потом царская, но для этого, для организации страны и настали в конечном счёте сословия.

— Вот тут-то нам и смерть пришла, — сказал опять кто-то.

Этот разговор мне очень запомнился, взволновал своей новизной, целыми открытиями, и когда один сказал: «А что, не сыграть ли нам в картишки?» — мой старший брат буркнул про себя, но все должны были услышать: «тратить на это время, когда каждая минута дорога». Расставили ломберные столы²⁹, и мне здорово влетело, когда один игрок, рассмотрев свои карты, заявил:

— Я пас!

Эту заявку, всё ещё под впечатлением только что слышанного и неожиданно для самого себя, я звонким детским голосом закончил: «свиней!»

То, что последовало за этим, потрясло меня на всю жизнь. И извинился я бестолково:

— Я не хотел вас обидеть, я не вам говорил, а всем, но почему не идёте спасать Россию?

Потом у меня появился жар, вызвали даже врача.

Последствием всего этого было запрещение мне и старшему брату присутствовать при разговорах старших. Впрочем, всё это вскоре сошло на нет и я снова утвердился на своём месте. Из восьми, кажется, тогдашних игроков, только двое не ушли в армию. Кто знает, может быть, моего брата и моя выходка послужила им толчком для такого решения. Мама, смеясь, об этом не раз вспоминала и даже хвалила.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Екатеринодар* — населённый пункт, основанный в 1793 г. С 1860 г. административный центр образованной Кубанской области. В 1867 г. получил статус города. С 1920 г. и по настоящее время носит название Краснодар.

² *Бонна* (франц. *bonne*) — воспитательница маленьких детей в семье, с положением выше няньки и ниже гувернантки.

³ *Керенский* Александр Фёдорович (22.04.1881–11.06.1970), российский политический и общественный деятель. Один из активных деятелей Февральской революции 1917 г. В марте — мае 1917 г. министр юстиции Временного правительства. В мае — сентябре 1917 г. военный и морской министр Временного правительства. С 8 июля по 25 октября 1917 г. министр-председатель Временного правительства. 1 сентября 1917 г. самовольно объявил Россию республикой. После Октябрьского переворота бежал из Петрограда и безуспешно пытался поднять антибольшевистское выступление вместе с генералом П. Н. Красновым. В 1918 г. эмигрировал во Францию, в 1940 г. переселился в США.

⁴ «*Гёбен*» («*Göeben*») — первоначально линейный крейсер Германского Императорского флота. Спущен на воду на верфях «Блом унд Фосс» в Гамбурге в 1911 г. Обладал водоизмещением 23 000 тонн, скоростью 27 узлов (≈ 50 км/ч), был оснащён современными видами артиллерийского и торпедного вооружения и прочной бронёй, имел команду более 1400 человек. Оказавшись на момент объявления Первой мировой войны в территориальных водах Турции, был продан германским правительством османскому флоту и получил наименование «*Явуз Султан Селим*». После вступления Турции в войну 16 октября 1914 г. совершил пиратское нападение на Севастополь, выпустив по городу около 60 снарядов. Впоследствии неоднократно производил обстрел русского побережья и транзитов, избегая прямого столкновения с русскими кораблями. В январе 1918 г. подорвался на минах, но был уведён в Босфор. В 1938 г. модернизирован; находился в составе турецкого флота до конца 1940-х гг., затем до 1960-х гг. был учебным кораблём. В 1973 г. утилизирован.

⁵ Ироническое название французов.

⁶ Т.е. солдаты, именуемые так автором по цвету шинели.

⁷ Вид кавалерийской атаки казачьих частей.

⁸ *Лесевичский* Николай Петрович (08.12.1873 — 03.1918), полковник Русской Императорской армии. В конце 1917 г. генерал-квартирмейстер полевого штаба Кубанской армии. В январе 1918 г. организовал и возглавил на Кубани добровольческий отряд с целью борьбы с большевиками. Во время 1-го Кубанского («Ледяного») похода, будучи больным, остался в одном аулов. Попал в плен и был расстрелян красными в м. Горячий Ключ.

⁹ *Цейхгауз* (нем. *Zeughaus*) — военная кладовая для оружия или амуниции.

¹⁰ *Берданка* — просторечное название однозарядной винтовки системы Бердана образца 1870 г. калибром 10,67 мм с откидным затвором под унитарный патрон центрального воспламенения с металлической гильзой и дымным порохом.

¹¹ Имеется в виду Казачий революционный отряд, сформированный на Кубани в январе 1918 г. бывшим эсером, казаком Иваном Лукичом *Сорокиным* (04.12.1884–01.11.1918) с целью отражения наступления Добровольческой армии на Екатеринодар. Впоследствии И. А. Сорокин был командующим 11-й красной армией. В октябре 1918 г. расстрелял группу руководителей ЦИК Северо-Кавказской советской республики и крайкома РКП (б), за что был смещён с поста командующего, арестован и расстрелян большевиками.

¹² Символ артиллерийских частей Русской армии.

¹³ *Покровский* Виктор Леонидович (1889–09.11.1922), из дворян. Участник Первой мировой войны, военный лётчик. В 1917 г. штабс-капитан и командир 12-го армейского авиационного отряда в Риге. После Октябрьского переворота сформировал на Кубани 2-й Добровольческий отряд. В 1918 г. назначен Кубанской Радой командующим войсками Кубанской области и произведён в полковники, а затем в генерал-майоры. Командовал Кубанской армией, ушедшей в Ледовый поход, до её соединения с Добровольческой армией в ауле Шенджий. В Добровольческой армии — командир конной бригады и дивизии. В Вооружённых силах Юга

России (ВСЮР) — командир 1-го Кубанского казачьего корпуса в составе Кавказской армии генерала барона П. Н. Врангеля. За взятие Камышина был произведён в генерал-лейтенанты. С ноября 1919 по февраль 1920 г. командующий Кавказской армией. Части генерала Покровского отличались большой жестокостью к пленным большевикам и при подавлении восстаний. Разогнал Кубанскую Радю. В Русской армии генерала Врангеля не получил назначения на командную должность и эмигрировал в апреле 1920 г. Жил в Болгарии, где создал подпольную группировку, имевшую целью организовать десант на Кавказ и воспрепятствовать возвращению части казаков в Советскую Россию. После убийства активиста «возвращенчества» А. М. Агеева разыскивался болгарской полицией. Убит при попытке задержания.

¹⁴ Т. е. *Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем* — существовавший в 1917–1922 гг. при Совете народных комиссаров РСФСР большевистский террористический и карательный орган.

¹⁵ *Корнилов* Лавр Георгиевич (18.08.1870–13.04.1918), сын хорунжего. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Генерал от инфантерии. После Февральской революции 1917 г. правый республиканец, горячий сторонник Временного правительства. В июле — августе 1917 г. Верховный Главнокомандующий Русской армией. В конце августа 1917 г. поднял мятеж и пытался установить военную диктатуру в России. После подавления мятежа арестован и заключён в тюрьму в г. Быхове, откуда бежал после Октябрьского переворота. Один из основателей Белого антибольшевистского движения. Главнокомандующий Добровольческой армией. Убит в бою под Екатеринодаром.

¹⁶ Речь идёт об убийстве императора Николая II и членов его семьи в Екатеринбурге 17 июля 1918 г.

¹⁷ Вдова генерала от кавалерии Михаила Павловича *Бабича* (23.07.1844–07.08.1918), в 1908–1917 гг. бывшего начальником Кубанской области и наказным атаманом Кубанского казачьего войска, взятого в заложники и убитого большевиками в Пятигорске.

¹⁸ Видимо, речь идёт о красном командире Филиппе Козьмиче *Миронове* (1872–1921), будущем командующем 2-й Конной армией, впоследствии расстрелянном большевиками.

¹⁹ *Первый Кубанский (или «Ледяной») поход* — армейский манёвр находившихся в стадии формирования частей Добровольческой армии под командованием генералов Л. Г. Корнилова, М. В. Алексеева и А. И. Деникина, проходивший в период с 9 февраля по 30 апреля 1918 г. в тяжёлых погодных условиях по пути от Ростова-на-Дону к Екатеринодару и обратно на Дон.

²⁰ *Деникин* Антон Иванович (04.12.1872–07.08.1947), сын отставного майора, выходца из крестьян. С 1916 г. генерал-лейтенант. После Февральской революции помощник начальника штаба Верховного Главнокомандующего, затем начальник штаба Верховного Главнокомандующего. Пытался воспротивиться введению Советов в армии. С мая по август 1917 г. Главнокомандующий армиями Западного, в августе т. г. Юго-Западного фронтов. Арестован за поддержку мятежа генерала Корнилова, содержался в Бердичеве, позже в Быхове. В ноябре 1917 г. выпущен из заключения, после чего бежал на Дон. Один из организаторов Белого движения на Юге России. С 1918 г. командующий, а после смерти генерала М. В. Алексеева Главнокомандующий Добровольческой армией. С 8 января 1919 г. по 5 апреля 1920 г. Главнокомандующий Вооружёнными силами Юга России и постоянный член Особого Совещания. В апреле 1920 г. после отказа в поддержке со стороны Военного совета сложил с себя полномочия Главнокомандующего в пользу генерала барона П. Н. Врангеля. Эвакуировался в Константинополь. В эмиграции проживал в Великобритании, Бельгии, Венгрии, с 1926 г. во Франции; активного участия в политической жизни не принимал, занимался литературной деятельностью. С 1945 г. жил в США, где и скончался.

²¹ *Второй Кубанский поход* — боевые действия, предпринятые Добровольческой армией против красных на Кубани в период с 9 июня по ноябрь 1918 г., итогом которых стало занятие белыми Кубанской области, Черноморской и Ставропольской губерний и Северного Кавказа.

²² *Быч* Лука Лаврентьевич (1870–1945), кубанский политический деятель, выступавший за объявление Кубанской области самостоятельным государством. В 1917–1918 гг. первый

председатель Кубанского правительства. Вместе с правительственными учреждениями участвовал в Первом Кубанском походе. После избрания генерала А. П. Филимонова на должность Кубанского атамана отказался от обязанностей председателя правительства, но остался членом Законодательной Рады. В начале 1919 г. был назначен главой делегации Кубанской краевой Рады на Парижской мирной конференции. После разгона Кубанской Рады остался в эмиграции во Франции, а затем перебрался в Чехословакию.

²³ *Рябовол* Николай Степанович (17.12.1883–13.06.1919), кубанский казачий политический и общественный деятель. В 1917–1919 гг. председатель Кубанской Войсковой и Законодательной Рады. В условиях Гражданской войны выступал за государственную самостоятельность Кубани. Участник Второго Кубанского похода. Убит в Ростове-на-Дону неизвестными.

²⁴ *Кубанская Рада* — политический орган Кубанской области и Кубанского казачьего войска, созданный в апреле 1917 г. 24 сентября 1917 г. создала парламентский орган — Законодательную Раду, которая в ноябре 1917 г. сформировала краевое правительство. Заняла антибольшевистские позиции. 28 января 1918 г. на землях Кубанской области провозгласила независимую Кубанскую народную республику со столицей в Екатеринодаре. В 1919 г. разогнана генерал-лейтенантом В. А. Покровским.

²⁵ *Краснов* Пётр Николаевич (10.09.1869–17.01.1947), из дворян Войска Донского. Участник Китайского похода 1899–1900 гг., Русско-японской и Первой мировой войн. Известный русский писатель и военный журналист. С 1918 г. генерал от кавалерии. После большевистского переворота октября 1917 г. непримиримый враг Советской власти. Совместно с А. Ф. Керенским предпринял неудачную попытку похода на Петроград. Был арестован большевиками, но бежал на Дон. В мае 1918 г. в разгар Общедонского восстания на Большом войсковом круге избран атаманом Войска Донского. Руководил действиями Донской армии против советской власти, освободив от большевиков почти всю область Всевеликого Войска Донского. В феврале 1919 г. из-за поражений Донской армии на фронте подал в отставку. В 1919–1920 гг. в резерве чинов Северо-Западной армии, ведал вопросами пропаганды. С 1920 г. в эмиграции в Германии, где занимался литературной и преподавательской деятельностью. В 1941 г. приветствовал начало советско-германской войны, участвовал в работе казачьего отдела Министерства восточных оккупированных территорий. С марта 1944 г. начальник Главного управления казачьих войск при Верховном командовании сухопутных войск Вермахта, руководил организацией Казачьего стана на оккупированной территории и в Северной Италии. После войны выдан англичанами в СССР. Повешен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

²⁶ *Болотников* Иван Исаевич (? — 18.10.1608), предводитель разбойничьего казацко-крестьянского восстания на Руси в 1606–1607 гг. (т. н. Смутное время). Объявив себя «большим воеводой царя Дмитрия», противостоял власти царя Василия IV Шуйского. Разбит и плёнён правительственными войсками и сослан в Каргополь, где был ослеплён и утоплен.

²⁷ *Дмитрий Иванович* (12.10.1350–19.05.1389), русский князь из московской ветви Рюриковичей. С 1359 г. великий князь Московский и с 1363 г. Владимирский. Получил прозвание «Донской» за победу над ордынскими войсками на Куликовом поле в 1380 г. Способствовал централизации русских земель вокруг Русской Православной церкви.

²⁸ *Палеолог* София Фоминична (ок. 1455 — 07.04.1503), византийская принцесса. Племянница последнего императора Ромейской империи Константина XI. Вторая супруга Государя и Великого князя Московского Ивана III Васильевича. С её появлением на Руси связывают возникновение в русской государственной традиции идеи о преемственности от Византии, выраженной в формуле «Москва — Третий Рим».

²⁹ *Ломберный стол* — стол для игры в карты.

Публикация и комментарии С. А. Манькова